

— ... Ты шутишь? — Шао Ицянь выглядел неуверенно.

Он колебался, ведь он только приехал, местные нравы не знал, житейской мудростью не обладал вовсе, и понятия не имел, что такое «сравнивать цены по трём магазинам». Он вообще не мог понять, этот пирог, упавший с неба, с начинкой — сладкая она или горькая.

Но... иметь точку опоры вдали от дома — это искушение само по себе перевешивало все сомнения. Он решил пока что так и оставить. Трудности всегда временны, кто же полжизни несёт неудачи? Сейчас человек — это нож, рыба — это доска, пусть пока режет.

Всё равно босому страшно обутого, да и денег у меня ни гроша.

Лю Цзивэнь, казалось, догадался, о чём он думает. Он встряхнул этот негласный договор и холодно промолвил:

— Не мечтай, то, что подписано и отпечатано пальцем, имеет юридическую силу, тебе не убежать. К тому же...

Он вытолкал его за главную дверь, в коридор:

— Во всём городе нет места дешевле моего дома.

Шао Ицянь посмотрел себе под ноги, а затем безоговорочно поверил, что он говорит правду —

Это было здание коридорного типа, лестница снаружи, коридор снаружи, в двух шагах перила, ржавые, местами стены начали трескаться, обнажая внутреннюю арматуру и бетон, на самом деле, развалина, режущая глаз.

Шао Ицянь тут же смирился, он мысленно пробормотал: «Место, где сходить в туалет стоит пятьдесят центов», а потом спокойно принял эту непомерно высокую аренду.

Он подошёл к перилам, посмотрел вниз и увидел, что под этой развалиной ещё стоит куча легковых машин, хорошо одетые мужчины и женщины проходили со всех сторон, и все они свили гнездо в этой маленькой развалине.

Лю Цзивэнь, скрестив руки на груди, прислонился к перилам, его холодное лицо в свете лампы выглядело очень бесчувственно:

— Я скажу неприятное напоследок, учитывая, что ты акция с потенциалом, в конце каждого месяца я буду брать аренду. Если не заплатишь, — он прищурился, вытащил из кармана пачку дешёвых сигарет, которую Шао Ицянь тоже узнал, — твоя домовая книга может быть использована для многих плохих дел. Если не хочешь, чтобы однажды твоё имя оказалось в списке «четырёх чёрных», тебе лучше поторопиться.

... Есть желание убить врага, но нет сил вернуться.

Шао Ицянь почувствовал, что шея, как и перила, заржавела, казалось, при повороте слышен хруст суставов «трак-трак», в итоге смог только выдавить из горла несколько слов:

— Ты жесток.

Домовая книга! Домовая книга! Эта вещь в чужих руках — всё равно что дать кому-то рукоять ножа, удобно, чтобы тебя зарезать.

Он сжал кулаки, крепко зажмурил глаза, в мгновение ему очень хотелось прыгнуть с крыши:

— Договорились, пока я не верну деньги, ты должен обеспечить абсолютную безопасность моей домово́й книги.

Лю Цзивэнь поднял бровь, щёлкнул пальцами:

— Учёный человек всегда держит слово, четвёрка лошадей не догонит, в этом будь спокоен.

Сказав это, он протянул руку, насильно пожал руку Шао Ицяня и помахал ею вверх-вниз:

— Желаю тебе счастливой жизни.

Арендодатель был настолько скрягой, что вынес вещи из комнаты начисто. Принимая во внимание, что у него остались только потолок, пол и четыре стены, он милостиво подарил ему простыню. Перед уходом он честно выполнил договор, оставил триста, а также карту маршрута отсюда до оптового рынка.

Среди ночи Шао Ицянь завернулся в простыню, слушая звук ветра за окном, вдруг просветлел:

«Может, наступил на собачий навоз и встретил хорошего человека с холодным лицом, но горячим сердцем?»

Ни родни, ни родства, купил тебе лекарство от простуды, а потом с разгона врезал тебе собачью конуру, хотя это и принудительная купля-продажа, но если игнорировать все внешности, не всё ли это равно благодеяние ему?

Лю Цзивэнь был скрягой до костей, это было видно по степени его навязчивой привязанности к десяти центам, но никогда ещё это не было так прямым и ясным —

Утром Шао Ицянь проснулся рано, засунул в карман триста юаней, собираясь пойти на тот самый оптовый рынок. Только толкнул дверь, как увидел Лю Цзивэня, который чистил зубы. Он своими глазами видел, как он выдавливая пасту, затем, кажется, посчитав, что многовато, снова вдул немного назад, и только потом положил щётку в рот.

— ...

Прямо сдохни от скупости!

Двери двух спален были прямо напротив, как раз там открылась, он одним взглядом заметил выпавшую на пол бумажку:

— Что это?

На нём весь английский, рядом приложена фотография Лю-подлеца, сверху прижата гербовой печатью, выглядело очень высокого класса.

Лю Цзивэнь даже не удостоил взглядом, брызгая пеной зубной пасты, сказал:

— То, что бросили на пол — всё мусор.

Рядом было ещё несколько... денежных переводов.

Шао Ицянь не понял, в любом случае это мусор, он скомкал, скомкал все бумаги в мягкие

комки, а потом использовал, чтобы высморкаться.

Когда он спускался вниз, за спиной послышался голос Лю Цзивэня, казалось, в ярости:

— Тьфу! Мой диплом! Щенок!

Шао Ицянь торжествующе усмехнулся и побежал быстро:

— Всё равно мусор.

Маршрут, нарисованный Лю Цзивэнем, был очень точным, потому что вокруг этого маленького здания почти не было других выходов, только одна дорога, всё время идти вниз по дороге, выйдя из переулочка, поднимаешь голову — хо, оптовый рынок, приехали.

На оптовом рынке набилось куча народу, все старики и старухи, он вошёл, и головы даже не было видно.

Только вошёл, сначала длинный ряд продавцов овощей, потом продавцы рыбы и мяса, и только потом начал появляться район одежды. Под навесом различные запахи смешались в кучу, кусок с запахом чеснока, кусок с запахом сельдерея, кусок с рыбным запахом.

Боковым зрением заметил мешок стирального порошка, Шао Ицянь замер, а потом вдруг сердце забилося —

Ему придётся самому стирать одежду, самому готовить еду, самому покупать овощи! Эти три вещи, ни одной он не умел! Никакого опыта, собачьего!

Что он умеет? Одним словом: есть, пить, гадить.

Остальное — ни в чем не искусен.

В тот момент он впервые увидел полную злобы жизнь, только тогда осознал, что дни были утоплены в дровах, рисе, масле, соли, соусе, уксусе и чае, всё время под защитой голубого неба по имени «родители», до сих пор он думал, что каждый день, как бухгалтерская книга, это есть и пить.

Сейчас же, без всякой подготовки, с неба свалилась непроницаемая жизнь масла и соли, ударив так, что тут же голова разбилась в кровь.

Он не мог представить, сколько раз нужно споткнуться, чтобы превратить мелкие и сложные жизни в плавную реку.

Трусы и носки оптом дюжинами, у него тоже не было опыта торга, одна рука отдаёт деньги, другая берёт товар, решительно и прямо. Ощущение от траты денег было приятным, как полёт, но эта скорость, как текущая вода, заставила Шао Ицяня скорчиться от боли, даже лицо исказилось, всего несколько кусков старой тряпки в виде трусов! Всего одна пара уродливых до смерти носков!

Смертельно дорого! Дорого до того, что хотелось ругать матом!

Всё оглядываясь и экономя, он вышел из оптового рынка, будучи стимулированным до дрожи в ногах. Он перевёл дух, отдохнул на каменном столбе у входа на рынок. Рука очень небрежно откинулась назад, а потом коснулась чего-то, потянул посмотреть...

Мисс Бао.

Эта маленькая реклама очень легко отклеилась, видно, только что приклеили. Шао Ицянь тут же подпрыгнул, оглянулся по сторонам, и действительно увидел вдалеке человека, который шёл и слепо клеил везде.

Есть шанс!

Он в два-три шага подбежал, схватил того, кто клеил рекламу, и прямо сказал:

— За эту работу платят?

Тот осмотрел его как на психа, брови нахмурились в иероглиф «чуань», очень нетерпеливо сказал:

— Бок, к тебе какое дело.

Шао Ицянь, как липкая конфета, привязался к нему:

— Я буду клеить за тебя, ты мне платишь, ладно?

Человек выпрямился:

— Ты сможешь?

У автора есть что сказать:

Лю Цзивэнь: Я хороший человек, с высоким образованием, просто немного подлый, немного скряга...

Факты говорят громче слов.

<http://bllate.org/book/16843/1549776>